

Наша вера

Это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его нетяжки. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша (1 Ин. 5, 3-4).

№ 7 (106)

август

2009

По благословению митрополита Калужского и Боровского Климента

28 августа - Успение Пресвятой Богородицы

15/28 УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ

Тропарь:

В рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила еси, Богородице, преставилася еси к животу, Мати суши Живота, и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша.

Кондак:

В молитвах неусыпающую Богородицу и в предстательствах непреложное упование, гроб и умерщвление не удержаста: яко бо Живота Матерь, к животу престаи во утробу Вселившийся приснодевственную.

Величание:

Величаем Тя, Пренепорочная Мати Христа Бога нашего, и всеславное славим Успение Твое!

16/29 Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворенного Образа (Убруса) Господа Иисуса Христа (944)

УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ ИКОНАХ

Икона Успения Пресвятой Богородицы (из Успенской церкви Десятинного монастыря недалеко от Новгорода), написанная в начале XIII века – самая древняя из сохранившихся русских икон, посвященных этому празднику. Сейчас она находится в Государственной Третьяковской галерее.

В нижней части иконы – усопшая Богородица, вокруг Которой собрались самые близкие Ей люди – ученики Христовы: апостолы и святители. Божия Матерь возлежит на высоком погребальном ложе, украшенном золотом и пурпуром, подобно царскому престолу: ведь отныне Её ждет слава Царицы Небесной. Левую группу предстоящих возглавляет апостол Петр с кадиллом, правую – апостол Павел, склонившийся к ногам Пресвятой Девы. Такое расположение исполнено глубокого смысла. По преданию, именно к Петру, как главе Апо-

столов, обратился Господь после исхождения души Божией Матери: «Пришло время, начни пение». Тогда Петр воспел исходную песнь на стихи псалма: «Когда вышел Израиль из Египта... Аллилуиа» (См. Пс. 113), и Апостолы понесли тело Марии на погребение. Это событие не изображается на иконе как действие; но кадилло в руках Петра, свечи на высоких подсвечниках, задумчиво-печальные и углубленные в молитву лики Апостолов и святителей создают впечатление торжественной погребальной службы.

(Продолжение на стр. 2)

Святейший Патриарх Кирилл: «Соловецкая обитель является одним из символов трагической истории нашего Отечества».

МОСКВА. 20 августа, в канун дня памяти преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил всенощное бдение в Спасо-Преображенском соборе Соловецкого старообрядческого монастыря, по окончании которого обратился к его участникам с Первосвященническим словом: «С великим внутренним трепетом слушал на священной земле Соловецкой обители, в истории которой как в капле воды отражается и величие, и падение страны нашей и народа нашего. Соловецкая обитель является одним из символов трагической истории нашего Отечества. Это место духовных подвигов, и это место человеческих страданий...»

И ныне условия, в которых несет служение братия обители, остаются суровыми, - какой же духовной силой обладали преподобные Зосима, Савватий и Герман, пришедшие на Соловки в далеком XV веке, когда здесь не было ничего, кроме студеного моря».

Празднование в честь обретения Порт-Артурской иконы Божией Матери установлено во Владивостокской епархии

ВЛАДИВОСТОК. На заседании Епархиального совета Владивостокской епархии было заслушано сообщение архиепископа Владивостокского и Приморского Вениамина о результатах духовной экспертизы в Издательском Совете Московского Патриархата «Службы в акафистом Богородицы Матери в честь и память обретения иконы Ея Порт-Артурская».

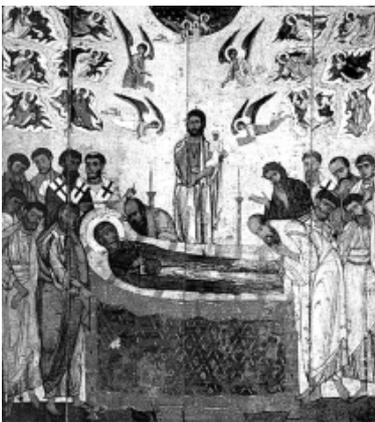
19 июля 2007 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил внести в официальный месецеслов празднование 29 августа в честь Порт-Артурской иконы Божией Матери. По благословению архиепископа Владивостокского Вениамина в духовный экспертный комитет Издательского Совета Московского Патриархата был направлен текст службы в честь Порт-Артурской иконы. 30 марта 2008 г. экспертный совет постановил: разрешено издать представленный текст под грифом «Разрешено к печати Издательским Советом Русской Православной Церкви (для келейного чтения)».

Совет Владивостокской епархии установил епархиальное празднование в честь обретения Порт-Артурской иконы Божией Матери 19 февраля и объявил разрешил в пределах епархии использовать «Службу в акафистом Божией Матери в честь и память обретения иконы Ея Порт-Артурская» во время церковного богослужения.

Также совет постановил обратиться с ходатайством к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу благословить использовать «Службу в акафистом Божией Матери в честь и память обретения иконы Ея Порт-Артурская» во время богослужения в храмах Русской Православной Церкви.

Успение Пресвятой Богородицы

В древнерусских иконах

(Окончание. Начало на стр. 1)

Павел, второй первоверховный апостол, как говорит предание, прибыл в дом Богородицы позже других и, припав к ногам Её, воскликнул: «Радуясь, Мать Жизни! И, хотя и не видел Христа во плоти, но, на Тебя взирая, вижу как бы Его Самого». Так он и представлен на иконе - поклоняющимся Божией Матери у Её ног.

И еще один из Апостолов, окружающих ложе Пресвятой Девы, выделен особенно. Это припавший к Её изголовью Иоанн Богослов, любимый ученик Христа. Сам Господь поручил ему Пресвятую Богородицу при Кресте на Голгофе. С тех пор Дева Мария пребывала в доме Иоанна, а он заботился о Ней как о родной Матери. Их духовное родство было необыкновенным: ведь во время земной жизни Спасителя оба они стали ближайшими Ему людьми, избранными Божиими. Че-

рез Богородицу Христос являлся нам как человек и Спаситель; через Иоанна Господь возвестил миру великие Божественные откровения.

Согласно одному из преданий, во время Успения Божией Матери святой Иоанн увещевал Апостолов сдерживать свой плач, говорил: «Так научил меня Учитель, когда я возлежал на вечери на груди Его, да не подумает народ, увидев нас плачущими, что и эти убоялись смерти».

На иконе мы видим, как пристально апостол Иоанн вглядывается в столь дорогой ему лик Пресвятой Девы, который невозможно назвать мертвым - наоборот, он светел и прекрасен. И лик самого Иоанна

выражает не столько скорбь, сколько благоговейное преклонение, содержание величайшей тайны - тайны жизни и смерти.

Посмотрите, как раздвинулся круг предстоящих, как расступились Апостолы, освободив место в самом центре за ложем Божией Матери. Здесь является Ей Тот, к Кому Она стремилась всю свою жизнь, к Кому были обращены все Её мысли и чувства, ради Кого Она претерпела величайшие страдания, пройдя за Ним весь Крестный

путь, - Её Божественный Сын. И вот теперь Её душа наконец соединится с Ним уже навсегда. В благодарности за то, что Пресвятая Дева носила на руках Своих Сына Божия во время Его земного младенчества, Сын Божий носит Её душу на руках Своих в начале Её небесной жизни. Душа Богородицы изображена на иконе как невинный, чистый младенец в белых пеленках. В сказании об Успении говорится, что Она была необычайной красоты, «седмь седмерицею паче солнца». При этом Пётр, возрадовавшись, спросил Христа, у кого душа так же бела, как у Марии? Спаситель ответил ему, что таковы души всех рождающихся в мир, но при исхождении от тела эту белизну имеют души лишь тех, кто сохранился от грехов века сего.

И вот, бережно приняв святую душу Своей Матери, Господь стоит за ложем Богородицы и смотрит на нас.

Апостолы на облаках

Его образ спокоен и торжественен. Если в ликах Апостолов мы замечаем скорбь расставания с любимой всеми Матерью Божией, то в лике Христа её нет: ведь для Него Успение Девы Марии, наоборот, можно назвать радостной встречей. Конечно, эта встреча происходит в духовном мире, поэтому и выражается не так, как мы привыкли её себе представлять. Кажется, что в иконе перед нами вообще не происходит никаких действий. Плавные движения и повороты голов Апостолов, как бы тихо беседующих друг с другом или сосредоточенно молящихся, полностью заглаживают на образе Иисуса Христа, подобно волнам, разбивающимся о камень скалы. Его фигура в ярких светящихся одеждах настолько яркая, что представляется нам живой свечой, горящей между двумя малыми свечами на золотых подсвечниках. Но если те свечи, по-

гребальные, были зажжены во время прощания с Богородицей как образ молитвы за Неё Богу, то здесь - Свеча неугасимая, Свеча вечной жизни.

«Земная» часть изображения с Божией Матерью на ложе и оплакивающими Её Апостолами остается внизу; над ней возвышается Сам Господь, Своим взглядом как будто говорящий нам: «Где же она, смерть, как конец и уничтожение жизни? Мы не заметили её следов даже на теле усопшей Богородицы, словно погруженной в тихий, спокойный сон. А теперь перед нами - Её прекрасная бессмертная душа».

Два Ангела слетают с разных сторон ко Христу и готовятся принять её благоговейно покрытыми руками, чтобы вознести на Небо. Аверуху, прямо над Спасителем, мы видим, как те же самые Ангелы, уже с душой Богородицы, влетают, будто в открытое окно, в подкупур неба, усевший золотыми звездочками. Здесь собитие как бы завершается: светлая душа Божией Матери достигла Царства Небесного, вечная жизнь восторжествовала над смертью.

(Бог слова из богослужения: «Всепородичная! Невеста днесь пречистую душу Творцу и Богу предаст: ея бесшумных силъ благолепно подъемлет...»)

Верхняя, «небесная» часть иконы показывает нам ещё и чудо, происшедшее раньше самого Успения Пресвятой Богородицы, по Её молитве. Перед нами - двенадцать Апостолов на облаках, которые были подняты в воздух и перенесены в дом Божией Матери в то время, когда они проповедовали Евангелие в разных странах света.

Путь им, предстоящим Иисусом Христом. «Кто сии, подобно облакам и орлам слетающиеся к телу - сточнику всеобщего воскресения?» - писал об апостолах святой Иоанн Дамаскин.

И снова, как в нижней части иконы, движение затихает, приостанавливается торжественными жестами Ангелов, с двух сторон указующими на Спасителя. Вокруг Него разливается ровное золотое сияние, заполняющее собой и остальное свободное пространство в иконе. И все временное, переменно слово растворяется в этом вечном свете Божественной славы.

Анна БЕЦИС

Апостолы Пётр (слева, с кадлом) и Иоанн (справа)

СОВЕСЕДНИК

— Отец Дмитрий, насколько приемлемо разделение святых, которые «отвечают» за благополучие в отдельных областях нашей жизни: кто-то «лечит» голову, кто-то снимает зубную боль, и даже по списку, другие святые «ответственные» за карьеру, так что если с ней что-то неладно, — срочно к ним за помощью, — третьи должны следить за достатком в семье. Насколько это соотносится с православным пониманием практики почитания святых?

— В одной книге я как-то читал о том, что если религия становится массовой, как это произошло с христианством, то неизбежно появляются массы ее формальных почитателей, которым свойственен утилитарный подход к религии. При таком подходе религия служит целям достижения исключительно земного, житейского благополучия. Достижение такого благополучия, по сути, является целью магии.

В результате, замаскировавшийся под христианство магизм становится всецелым наполнителем народных форм религиозности. Само по себе это плохо. И святоотеческое христианство всегда противостояло христианству бытовому, с его суевериями и магизмом. Однако, политика резкой конфронтации со всем бытовым никогда не признавалась разумной. Вместо этого, христианские пастыри старались предлагать народу путь постепенного вытеснения суеверий святоотеческими представлениями. Отчасти это удавалось: из множества людей, починающихся церковным порядком ради приобретения житейских выгод потихоньку отвесилось меньшинство тех, кто начал понимать, что есть вещи поважнее житейских.

— Значит, на каких-то первых ступенях такое внешнее отношение к православию допустимо?

— На первых шагах это в какой-то мере, действительно, допустимо, особенно, когда человек ещё только пытается найти Бога, прикуситься к Божией благодати. Но нужно понимать, что это хорошо для начинающих, для духовных младенцев, но всю жизнь так выстраивать нельзя.

По своей сути, это попытка перейти с уровня магизма на уровень христианства. И на этом пути есть масса переходных форм, переходных ступеней. Если мы возьмём, к примеру, русскую языческую религию, мы там увидим огромное количество богов, которые отвечали за те или иные сферы жизни. Христианство

постаралось убрать упоминания обо всех этих богах, предложив людям обращаться к Единому Богу и к Его святым. В некоторых случаях причинной обращению с той или иной просьбой именно к данному святому стало созвучие имен. Например, наши крестьяне молились священномученику Власию ради того, чтобы он хранил их скот. А в древнерусском пантеоне за скот отвечал бог Волос, который созвучен с именем священномученика.

Таких примеров известно несколько. Но по большей части — «распределение ответственности» между святыми связано с тем, что тот или иной святой при своей земной жизни помогал в определённых обстоятельствах или при каких-то болезнях. Для людей вполне логичным является обращение к такому святому и после его смерти с подобными просьбами. Но доводить это до «узкой специализации», как у врачей: этот специалист лечит заболевания сердца, этот — глаза, а тот — желудок, конечно, абсурд.

— Примером абсурда может служить обращение к святому Иоанну Предтече об избавлении от головной боли...

— Мне лично в этом видится уже даже некое конунство... Я читал воспоминания одного пожилого прихожанина, который писал, что ещё в 20-е годы (XX-го века) не было таких списков святых со своей «специализацией» по московским храмам. Может быть, где-то подспудно, в каких-то деревенских храмах подобные вещи и существовали, но, по крайней мере, в центральных городах такого не было. Это появилось позже, с оскудением религиозной культуры, с падением знания о святоотеческом православии. Ни у одного из святых отцов вы не найдёте рекомендации обращаться к тому или иному святому в той или иной житейской ситуации. Потому что святые отцы были выше житейского. Они понимали, что житейское благополучие — это ничто по сравнению с тем состоянием, которое готов дать человеку Христос. Ничто — по сравнению с состоянием обожения. И человек, в первую очередь, должен стремиться именно к этому состоянию. А не к тому, чтобы нога не болела, ухо не стреляло.

Святые готовы были претерпеть всевозможные болезни, виды, как это помогает избавиться от страстей, как терпению, мы там увидим огромное количество богов, которые отвечали за те или иные сферы жизни. Христианство

масс, с одной стороны, и у тех, кого мы называем святыми, с другой стороны, совершенно разный.

— Замещение языческих праздников своими Церковь допускает из-за слабости верующих?

— Если Церковь замещает эти праздники своими, то это хорошо. А если она подгоняет свои праздники под языческие, то это плохо, потому что это уже является человеком угодием. В нашей традиции, мы, к сожалению, можем видеть примеры и того, и другого.

Наиболее яркий пример хорошего — это празднование Рождества Христова, которое было введено взамен праздника зимнего солнцестояния ещё в Римской империи. Теперь зимнее солнцестояние никто не празднует, за исключением каких-нибудь маргинальных сект, а Рождество забывают все.

А пример неудачного, это когда мы официально в храмах развешиваем вот эти списки — перед какой иконой по какому поводу надо молиться. Это уже не способ христианизировать народное благочестие, а потакание народным поверьям. Попытка опустить Церковь с той высоты, на которой она должна стоять, на уровень некой организации, которая обеспечивает людям более или менее удобное существование.

Можно сказать (и об этом говорили отцы, в частности — при Кассиан Римлянин), что два Завета — Ветхий и Новый — в истории сосуществуют параллельно. Это означает то, что и до пришествия Христова были люди, которые жили по принципам Завета Нового: «оставь всё и пойдёшь за Христом». Это Моисей, Илиа пророк, все те, кого мы знаем как ветхозаветных праведников. И в тоже время, сейчас, после пришествия Христова, в Церкви есть огромная масса людей, которая живёт по принципу Ветхого Завета: «мы попытаемся исполнить Закон, а Бог пусть это учтёт и приготовит нам маленькое местечко на границе рая».

И Церковь в наше время оказалась перед достаточно сложной ситуацией: если во времена христианских империй Церковь призвала людей к идеалам Нового Завета, а ветхозаветный минимум обеспечивало государство, занимавшее христианскими законами и тому подобными вещами, то теперь, когда государство этим не занимается вообще, Церковь стала перед такой дилеммой: либо пропове-

довать по-прежнему идеалы Нового Завета, зная, что за нами пойдёт очень малое количество людей, либо опуститься до уровня Ветхого Завета, потащить за собой массы, но заведомо положив им этот ветхозаветный предел. Одновременно туда и сюда вести не получается.

— В настоящее время ещё нет определённости в векторе движения?

— Пока эти тенденции существуют в Церкви. Есть люди, которые зовут вверх, есть люди, которые тащат по горизонтали. Но рано или поздно Церковь должна будет сделать свой выбор. Одновременно по двум дорогам долго идти не удастся.

— Порой приходится слышать подобные утверждения: «Какого-нибудь святого просишь о чём-нибудь, не допросишься, а вот святителя Николая попросишь, — он тут же всё может, ну такой сильный святой!» Такое отношение к святым —

— Это отношение к святому своего рода суеверие, или, по словам апостола Павла «иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд, и звезда от звезды различна в славе» (1 Кор. 15, 41), и «сила» святых тоже может быть различной?

— Все святые в разной степени причастны к Богу, и звезда от звезды различна в славе. Святой — это, всё-таки, личность, и, как каждая личность, имеет свои особенности. Ведь когда мы обращаемся к живым людям, тоже от разных людей услышим разный ответ.

— Но святой, как человек, причастный к благодати Божией, не может, как мы, из каких-то своеобразных побуждений, реагировать или не реагировать на обращение к нему. Там, наверное, как-то другая система?

— Там, действительно, система другая — немножечко проще. Если человек достоин получить от Бога тот или иной дар, если это пойдёт ему на пользу, он этот дар получит, независимо от того, кому он молится: святителю Николаю, преподобному Сергию, преподобному Серафиму, или святому, который, может быть, и не во всех церковных календарях обозначается.

Другой вопрос, что тому же святителю Николаю молится намного больше людей — на порядок, а то и на два порядка, чем святым, которые гораздо менее известны. Отсюда и статистика: если такая человек обратился к святителю Николаю и сотне он помог, — сто голосов будет за него, а если к какому-либо мало известному святому обратился всего пятьдесят человек и он помог сотне человек, то соток девять против ста — это, всё-таки, меньшинство.

Дело не в том, что один святой не ответит, а другой ответит человеку на его попросивание, а дело, если так можно выразиться, в «популярности» святого, распространённости его почитания. Святителя Николая знают все

Рис. Тамара Голованова

и обращаются к нему все и верующие, и маловерующие, и даже неверующие в крайних ситуациях могут обратиться. И если внутреннее расположение этих людей будет таково, что по молитвам святителя Господь даст какой-то ответ, какую-то помощь, это будет более широко известно, чем в других случаях.

— Отец Дмитрий, чем отличается «чудотворный» образ от «чудотворного»? Взять, к примеру, два образа Божией Матери: один считается чудотворным, другой — «простоим». Получается, через один образ Господь, Богородица или святые помогают сильнее, через другой — слабее?

— Критерий здесь простой: если от образа зафиксировано какое-то известное чудо, то его называют чудотворным. Если такие случаи неизвестны, образ чудотворным не называется, хотя любая икона содержит в себе благодать Божию, и может быть чудотворной для того или иного человека.

Кроме того, мы должны понимать, что Божия Матерь, изображённая на всех иконах (Продолжение на стр. 8)

к балюстраде, она искала глазами Катю Рыжкову, но так и не нашла.

Когда деньги кончились, пришла опять и опять набрала денег, но Катю не встретила. Только на третий раз Зинаида встретила Катю. Та шла к храму вайской походкой, с припадением на одну ногу Катю увидела Зинаида, кинулась и пошла в храм.

«Наверное, в притворе стоим», — подумала Зинаида. Поколебавшись, Зинаида решила поискать Катю в храме. Увидела она её в лесном притворе в очереди возле исповедующего священника. Виду Катю был строгий, челка не торчала из-под шляпки. Она шагнула к священнику, он что-то долго ей говорил, она качала головой, потом сама стала что-то говорить, к большому удивлению Зинаиды. Старик всё качал головой, а потом положил ей на голову тускло-золотую епитрахиль. Она поднесла его руку к поцеловала в щеку священника.

Зинаида подстергала её, позвала за руки, но Катя посмотрела на неё пустым янтарным взглядом и сказала: «После...». Тут храм весь загрохотал огромным пением, зашел «Верю...» и Катю отвернула от неё и неожиданно тонко стала выводить: «...во Едшого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым...»

«Старыми замаранными псалмами и подпевами, что казалось, Катя одна ведёт всю эту толпу по горной перепадистой дороге.

Потом всё пение кончилось, снова говорил священник, немалого пелухор, потом опять всем храмом пропели «Отче наш», это Зинаида знала, потому что мама её этому научила.

Она и сама не заметила, что давно уже сидит на широкой и удобной скамье, а кто её подвел и посадил, она не помнит. Здесь, на скамье, её и нашла Катя.

«Ну что, не говяют больше?» — спросила Катя.

«Нет, не говяют», — просияла в ответ Зинаида.

«Ну и ладно. — Катя дивилась, почему Катя так задержалась и спросила: — Ты собралась чего? Так пошла, что ли?»

И они вместе вышли, колыхнувшись на ходу Зинаида и маленькая, как кривое высохшее дерево, Катя.

«Пойди, что ли, к тебе», — предложил Катя, и Зинаида одобрялась: гости к ней не ходили, кроме тётки Пани, мамы и сестры.

По дороге к дому Зинаида купила хлеба и мороженого — много. Теперь, после смерти мамы, она ела вволю и пристраивалась к мороженому.

В доме Катя вострым взглядом всё оглядела, несколько даже прищипываясь, заметила немалый шик и сказала:

«Мне тоже сохнуть по-порозальному можно. Лягу на живот и позу себе наиз. Может, помочь тебе?»

Зинаида застеснялась такому предложению, да и на что? И так хорошо. Пока Катя осматривалась, Зинаида приготовила поест: накрошила в белую миску вареной картошки и плавленого сыра, нашла туда кефир.

«Сей было есть, но Катя вскочила, опираясь на один костыль, проковыляла в коридор и принесла ковровую износившую сумочку на замке, шёлкнула звонко замком и втащила четвертинку: — Ради праздника не возбраняется, — настоятельно сказала, но Зинаида и не думала возбранять. Катя сковырнула толстым ногтем крышечку с четвертинки,

разлила по стаканам. Зина охнула, — она водки не пила.

«Много, что ли?» — удивилась Катя. — А не хочешь — не пей, — разрешила она снисходительно, и сказавши «С Богом, Зина», перекинулась и выслушала водку в открытой резжубай рот.

Зина похолола своей ставкой, отпила маленький глоток — было невкусно и дряло горло.

Катя быстро поела тарелку крошева, поела и мороженого — в меру, без большого удовольствия. Дождалась, когда Зинаида облизнет обертку, собрала со стола и многозначительно сказала: — Вот.

Зинаида подвела своё слегка запяканное мороженым лицо и, приоткрыв рот, приготовилась слушать.

«Подна умойся!» — приказала Катя, но Зина вытерла рот тряпочкой — и так сойдет. И Катя начала:

«Вот, Зина, что я хочу тебе сказать. — Голос звучал торжественно и многообещающе. — Мать твою померла, сама ты несумная. — Зинаида закивала головой, всё было правда. — К тому же и больная, — пришептала Катя. — И правильно ты сделала, что к храму пришла. Однако зачем ты пришла? — Вопрос Катя не требовал ответа. —

тынешностью разговора. — Я не завидую, мне ихнее и не подходит ничто... я вон какая голстая!

«Простая, Зинаида, проста, — как-то разочарованно заметила Катя. — Ну ладно, а в Бога ты веруешь?»

Зинаида застеснялась, заёрзала на табуретке.

«Ну? — строго спросила Катя. Зинаида стала крутить из тряпки куклолку.

«Эх ты, Божий человек, а в Бога не веруешь, — совсем уж разочарованно проанула Катя.

«Я в Божко Матерь...» — отпустив голову, тихо, как двоечница на уроке, проговорила Зинаида.

«Ну, — учительским голосом требовала Катя, — говори, Матерью она кому?»

Зинаида надулась и тихо проговорила: — Дочки своей матери.

Тут обомлела Катя. Она выплинула жёлтые глаза, развела руками, как что прислоненный к подоконнику костыль стухом утонул.

«Что? Дочки? Какой дочки? Господа нашего Иисуса Христа матери? Даты, Зина, хуже татарина! Это ж надо, дочка!

Зина сидела совсем багровая, и в голове у неё громыхали колокола.

«Иисус Христос, Сын Божий, сошёл с небес ради одного только — сказать, чтоб не были зверями, чтоб любили друг друга, а его схватили и смерти предали, убили его, Зина! Потом спохватилась, а всё! Поздно! Воскрес — и негу его! Ниш-свищи!»

Катя подвинула к себе Зинаидин стакан, выпила, помолчала, покачала головой:

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

Людмила Улицкая

Уж так мне её жалко стало, не передать. — Убью Катю попогоди, задержалась, она высморкалась, вытерла глаза и строго продолжила: — И потом, Зина, всё про неё узнала, монахиня Елдова она, а старуха, её мать, тоже пострип привяла, в миру, понытно, живу, кому она в монастыре нужна? Вот уж кому зюсчастье выпало! Господи, да за что? Вот тут меня и осенило, Зиночка! Ведь каждый человек, который на неё смотрит, одно думает: вот несчастье, хуже моего, хуже уж некуда, а монто обстоятельства куда ни шло, ещё можно жить-то. Вот уж кого пожалеть надо, а не себя. Дошло тут до меня, Зиночка, за чем это Господь таких, как мы, немощных, уродов и калеки, на свет выпускает? Понимаешь ты меня, Зиночка?

Зинаида сидела как замороженная. Она слушала Катини слова и не слышала их, но смысл входил в неё каким-то странным образом — не то через кожу, не то через воздух.

«Дли сравнения, для примера или для утешения, уж и не знаю, как тебе сказать, — пояснила Катя. — Вот ты посмотри, естаристки известные, красавицы, в ярмарках продают, все в цветастых розах, а ты на неё посмотришь, и так уж тошно делается, — нету, нету справедливости, и тут же спускается, там и стоишь! Ах, думаю, хорошо! Вот оно, мое место: калека, стою у храма, проходит люди мимо, каждый по-своему и про себя скажет: слава тебе Господи, что ноги мои здоровы и что не я стою здесь с рукой!о! Другой и совестью зашевелится, смеётся, что Богу неблагодарен за все благодеяния его.

Ты на примерах не смотри, Зина, улик одна забота — денег набрать. А настоящей нищиз, Зиночка, Божий человек, Господу служит! Он шерстяных торчат, крохотные, неходячие, и понесла её старуха к истоведи. Ая, Зина, иду за ней, как коза на веревке. Как держит меня она. Подносит её старуха к священнику, тот молитва долгие читает, а тогда ничего не знала, я уж потом всё узнала, что читает да за чем. Теперь ты и всю службу наизусть знаю, до последнего слова, а тогда я ничего не понимала по-церковному. Он отчитал, а потом сразу к ней и говорит ей что-то. А она в ответ как мышь — писк, писк! Зина, а у меня внутри — стех тор таксо со мной не было, — внутри пошла такая почесуха, и в горле, и в груди, и в самом сердце, ну просто влезла бы рукой и ногтями бы драла, драла, сил просто нет. Это же надо, это же надо! Ведь ни ног, ни рук, ни голоса человеческого, как, мешок её таскаю... И тут во мне как бы что-то треснуло и потекло... Заплакала я, Зина, аж брызнуло!

«Зина погружалась в полусон. Глаза её были открыты, но она не видела Катю, не слышала её слов. Ей представлялось, что она сидит на земле и ноги у неё тонкие, загорелые, а вокруг несметная россыпь мелких насекомых, губки и липовые цветочки. И она встала и пошла прямо по этим цветкам...»

«А Катя всё говорила, говорила, но речь её делалась тише, и быстрее, и неразборчивее: — А мы теперь хвалим. Он нам болезни, а мы хвалим! Он нам бедности, а мы хвалим! Безкое дыхание она хвалил... — так, на полуслове, Катя положила голову на клетчатую клеенку.

«А Зина всё шла через яркое жёлтое цветочье, а сбоку из-за большого камня вышла мама и махала ей рукой, и улыбалась, и была молчалива.

Людмила УЛИЦКАЯ Печатается в сокращении

Просить пришла. И правильно сделала. Там тыа народу просит. Все больше попросишь. Это дело нехитрое. Дни тебе, Зина, я хочу, чтоб стала ты не по-прошайкой, а настоящей нищей.

«Нет, мне такой, как Катя, никогда быть, — восхитилась про себя Зинаида новой подругой. — Вот у неё какой голос, то значный, когда она на старух напустилась, то вдруг детский, перелестный, когда она зашла божественно...»

А Катя дальше вела свою речь: — Наполи не смотри, мое дело особое, и ни куда, ни сюда, сбоку припека, я и в техникуме училась технологическом, и сколько по большим промартиралась, и ещё в каких местах была, это тебе не приписно. Скажи мне перво-наперво: чего тебе не хватает, Зина?

Зина наморщила брови, напустилась, подумала, сказала: — Сегодня у меня всего есть, Катя.

Катя довольно засмеялась: — Правильно, правильно я про тебя догадалась! Реский человек говорит: всё у меня есть. Обыкновенно всем всего мало. Всего хотя, боятся, страдают, ненавидят аж до смерти, и всё от зависти, что у другого есть, а у меня нет. Понимаешь?

«А как же! — важно согласилась Зинаида, полныценная значи-

и в голове у неё громыхали колокола.

«Иисус Христос, Сын Божий, сошёл с небес ради одного только — сказать, чтоб не были зверями, чтоб любили друг друга, а его схватили и смерти предали, убили его, Зина! Потом спохватилась, а всё! Поздно! Воскрес — и негу его! Ниш-свищи!»

Катя подвинула к себе Зинаидин стакан, выпила, помолчала, покачала головой:

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

«Ты не пьешь и не пей! А я выпью! Всем людям, Зин, одному много, другому мало: красоты, ума, добра всякого. Вот ты послушай, как со мной случилось. Это ещё когда было, когда я освободилась. Я из Химок, из области, степя прописная, пришлое до мной, а меня прописывать не хочет. Мать у меня не старая, брови, цыганская кровь в ней сказано.

9 августа, город Малоярославец. Освящен главный храм Свято-Николевского Черноостровского женского монастыря.

Великое освящение Свято-Николевского собора совершил Высокопреосвященнейший митрополит Калужский и Боровский Климент в сослужении архимандрита Доната (Петенкова), архимандрита Никиты (Ананьева), духовенства обители и других священнослужителей епархии.

После великого освящения собора митрополит Климент в сослужении духовенства совершил в нем Божественную литургию. За богослужением Владыка рукополагал в сан диакона выпускника Калужской духовной семинарии Евгения Холвяко.

По окончании Литургии и праздничного молебна митрополит обратился к сестрам монастыря и благочестивым богомольцам. Он поздравил с Великим освящением храма всех, кто трудился его восстановления, кто жертвовал на его восстановление и благоустройство. «Этот уникальный по своему архитектурному исполнению соборный храм, созданный в честь святителя и чудотворца Николая, отныне будет не только архитектурным украшением, но и местом молитвенного единения насельниц обители и богомольцев», отметил Владыка. Владыка поздравил настоятельницу обители игумению Николаю (Ильну) и сестер с освящением главного храма обители, где они будут совершать свой молитвенный подвиг.

Также митрополит Климент произнес проповедь на Воскресное евангельское чтение.

В стенах детского приюта «Отрада» для Владыки, гостей монастыря и паломников прошла праздничная трапеза с концертом, в котором приняли участие воспитанницы приюта.

Кому тут от зубов ставить? О вере и сувенирах

(Окончание. Начало на стр. 4)

— одна и та же. И мы молимся именно ей как личности, а не молимся данному конкретному предмету (иконе).

— Наше предпочтение православного чудотворения образа — явление чисто психологического порядка?

— Конечно. Тут опять работает принцип прецедента: если от этой иконы кому-то уже было чудно, то может быть, будет чудно и мне. Это принцип ветхого человека, который заключается в том, чтобы максимально упростить себе решение проблемы. Остаточный магизм здесь всё-таки присутствует: если именно этот предмет помог кому-то, то и я им воспользуюсь (вариация: если мне помогло это один раз, воспользуюсь им снова и снова). А если никаких явных чудес за конкретным образом человек не знает, подсудно у него возникает сомнение: наверное, и мне не поможет. То есть, здесь речь идёт уже не об обращении к Божией Матери, а об использовании предмета в корыстных целях.

— Есть такое выражение: «намоленный» образ. К нему возникает особо почтительное отношение, его особо берегут. Хотелось бы понять, он, действительно, чем-то существенно отличается от образа, только

ко что купленного в церковной лавке? — С богословской точки зрения здесь идёт какая-то путаница. Потому что святость иконы зависит не от того, как или кто перед ней молится, — не человек своей молитвой освящает икону, напротив, икона освящает человека, молещащегося перед ней. Икона свята не в силу того, что перед ней поминалось десять, двадцать или сто человек, а в силу того, что на ней изображён тот, кто причастен благодати обожения: будь-то Сам Христос, Божия Матерь или кто-то из святых.

В любом случае, почитая икону, мы поклоняемся Богу, к которому причастен тот, кто на иконе изображён. И освящает икону именно благодать Божия, а отнюдь не молитва человека перед ней. Поэтому икона может быть ценна как память, может иметь какую-то историческую ценность, но понятие «намоленности» иконы с богословской точки зрения некорректно.

— Отче, а Вам не приходилось сталкиваться с новым «церковным хобби» — собиранием монеток с изображением св. Георгия Победоносца? — Да, к сожалению, буквально на глазах рождается «новое богословие» — богословие «монеточничества»: подбираются и бла-

говеино хранятся монеты достоинством от 1 до 50 копеек по причине наличия на реверсе монеты изображения Георгия Победоносца. В церковной лавке одного храма мне пришлось видеть объявление, в котором был призв относиться к этим монетам благовеино в силу того, что на них изображён святой.

В качестве возражения можно привести слова Иоанна Кантакузина: «Оденежных знаках веель и сам ты уж конечно, заешь, — что на одних отчеканены образа Христа, на других — Его Матери или кого-нибудь из святых. Но нам мало, а веернее сказать, никак не занимает их почитание. Ибо не для почитания прообразов было придумано делать их отпечатки на серебре или на золоте. Мы их наносим как своего рода знак достоинства монеты, а кроме того, чтобы показать, что монета принадлежит христианам. Потому и на землю их при случае бросая, предавая огню и переплавляе, истеря, разламывая, а при сделках и торговках операциях передавая в руки нечестивых, мы не смущаемся» (Диалог с евреем Ксеном, слово второе).

В Греции, к примеру, и поныне печатают марки с изображением Христа, Божией Матери, святых и потом совершенно спокойно ставят на эти марки штемпели. Там проводится чёткое различие

между иконой, то есть, образом, созданным для почитания и изображением, пусть даже и Христа, и Его святых, но созданного совсем с другими целями, как, к примеру, о том говорил Иоанн Кантакузин: показать, что эта марка — марка православного государства.

— Если какие-то действия внешнего характера чисто по-человечески поинты и в какой-то мере допустимы при первых шагах хождения в церковную жизнь, когда человеку нужно элементарно сориентироваться в новой для него церковной среде, то впоследствии между, всё-таки, должно уделять основное внимание?

— Основное внимание должно уделять Христу. Цель христианской жизни заключается в том, чтобы, как говорил прп. Серафим Саровский, стяжать благодать, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20). Если Христос будет жить в человеке, то и будет достижением той цели, ради которой человек создан.

Тот же прп. Серафим Саровский говорил своим Дивеевским сёстрам: не надо ходить ни в Иерусалим, ни в Киев, — молитесь здесь. И если правильно помолитесь, будет вам здесь, и Иерусалим, и Киев. Беседавала Юлия БЕЛКИНА

ЛИСТАЯ «ЖИВЫЕ» ЖУРНАЛЫ

Она зашла в вагон... art_iz_tartara

на станции метро Текстильщики. Ждала, пока поезд выйдет из тоннеля...

...и начала: «Люди добрые, простите меня Христа ради...»

Пассажиры... кто равнодушно отвернулся... кто от неволости заانه опустил глаза...

...а она громко продолжала: «горе у меня... такое горе, что придувать горше горя этого невозможно... трагически погиб мой единственный сын... любил меня... любил меня...»

«Еще одна попрошайка...» думали в вагоне.

«Люди добрые, простите, что я к вам обращаюсь, слезю молоко с о милости, прошу вас, помяните моего сыночка...»

...и она пошла по вагону, раздавая конверты...

Задело... dok_sed

Тихие заповеди

Ничего не нужно объяснять. Нужно выйти из могильной тени, опуститься тихо на колени

Нужно научиться сострадать...

«Живой журнал» — один из способов общения людей через интернет. Записывая в журнал размышления, впечатления, «сценки» из жизни, человек делится ими с теми, кто готов его услышать...

и глаза к Распятью поднять.

Ничего не нужно говорить. Нужно помолиться о немногом, сердцем не лукавить перед Богом.

слезы покаянные излить.

Ничего не нужно осуждать. Бог — Судья и праведных, и грешных.

Он осудит слезы неутешных и простит, как любящая мать.

Ничего не нужно принуждать. Нужно стать звездой говорящей, среди пылы, торжественно горящей.

Нужно научиться сострадать. Инок Всеволод

Подслушал... vadimpr

Сегодня на Литургии стоял ближе к притвору. Утро было прохладное, в храме тепло, но народ все прибывал и становилось душно. Двери храма, обе створки, широко открыты. С улицы поддувало, и даже, немного сквозило. Одна из женщин, помогающих в храме, при-

крыла створки входной двери и, проходя в притворе, видя ображенные взгляды, поспешила объяснить.

«Сквозняк, сильно дует, может кого простынет...»

Тут же стоящая женщина возмутилась: «Ну что же вы, душно в храме, как же теперь быть? Что же всем из-за одного мучаться? Зачем всем из-за кого-то одного страдать?»

— Ну сквозит же... объяснила та еще раз. И завилась приговоренным запискам причастникам.

— И что же всем теперь мучаться?! — продолжила, стоявшая в притворе женщина. Она повторила это еще несколько раз. Та ей несколько раз ответила: «Смирено-раздраженная» утivity перепалка исчерпана не была...

Слушая это, один старичок с палочкой, прислонившийся к косяку, совсем тихо, почти про себя вздохнул: «Ох-хо-хо... Христос то наш один за все нас страдал, мучился, а мы то за одного

потерпеть не можем... Сколько же нам здесь еще стоять...»

Я бы его и не услышал, если бы он akurat за моим плечом не стоял...

Из «Миссионерского дневника»

Игумен Агафангел (Бельж) rev_agafangelos

Поражало дети сами приходили креститься. Вчера беседовал с якутской девичьей четвёртинадцатилет Женей и чуть не плакал в уныние, по результатам общения, оттого, что я такой чёрствый, нескрещенный мальдер, по сравнению с ней. Такаа готовность выпить всё. Мальчик Дима семилет сказал, что он хочет креститься, но папа не разрешает и он просто будет приходить. Кажется всё начинается с детей. Они самые лучшие слушатели и ними легко, они искренне — не дают фальшивить. Постепенно заводят их родители. Думаю, что осенью, когда многие вернутся из отпусков, начнётся новый этап приходской жизни. Наконец научился печь профорфы. Выучил счёт по-якутски...

В газете использованы материалы из православных интернет-ресурсов: www.patriarchia.ru, www.secdmitza.ru.

Уважаемые читатели! Если вы прочли эту газету и она стала вам не нужна, просьба не выкидывать её. Газету можно передать другим людям или отнести в ближайший православный храм.

Наша вера

№ 6 (106), июль 2009

Ответственный редактор: протоиерей Сергей Комаров.

Над выпуском работали: Бельж Юлия, диакон Александр Земцов, Шинковский Лев.

Адрес редакции: 248600, г. Калуга, ул. Набережная, д. 4.

Телефон: 5627-00 (канцелярия Калужской епархии).

Е-mail: verahia@adm.kaluga.ru (в теме указать «Наша вера»)

Тираж выпуска: 5000 экз.

Отпечатано в ГПУ «Облигадат»

Заказ № _____